

САГАН
Коллекция

Франсуаза
САТРАН

**ВОЛШЕБНЫЕ
ОБЛАКА**

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
С 13

Françoise Sagan
LES MERVEILLEUX NUAGES
Copyright © Julliard, 1961
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского Николая Комина
Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

Издание подготовлено
при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-17330-9

© Н. Н. Комин (наследник),
перевод, 2009
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская
Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

Моему другу Филиппу

ИНОЗЕМЕЦ

— Скажи мне, таинственный незнакомец, кого ты любишь больше? Отца, мать, сестру, брата?

— У меня нет ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата.

— Друзей?

— Вы произнесли слово, смысл которого до сих пор от меня ускользал.

— Родину?

— Я не знаю, на какой широте она находится.

— Красоту?

— Если бы она была бессмертной богиней, я был бы не прочь ее полюбить.

— Золото?

— Я ненавижу его, как вы ненавидите Бога.

— Тогда что же ты любишь, странный иноземец?

— Облака... Плывущие облака... там, высоко... Волшебные облака!

Шарль Бодлер

Поэмы в прозе

Флоридга

*Н*а фоне слепяще-синего неба Ки-Ларго чернел иссохший остов какого-то ветвистого тропического дерева, напоминающий жуткого паука. Жозе вздохнула, закрыла глаза. Настоящие деревья, вроде того одинокого тополя на краю луга, у самого дома, были от нее далеко. Она леглась под ним, упиралась ногами в ствол, смотрела на сотни трепещущих на ветру листочков, наклонявших общими усилиями самую верхушку дерева, которая, казалось, вот-вот оторвется, вот-вот улетит. Сколько ей тогда было? Четырнадцать? Пятнадцать? Иногда она ладонями сжимала голову, припадала к тополю, прикасалась губами к бугристой коре и шептала клятвы, вдыхая неповторимый букет из травы, юности, страха перед будущим и уверенности в нем. В то время она не могла вообразить, что когда-нибудь покинет этот тополь и, вернувшись

десятилетие спустя, обнаружит, что он срублен под самый корень, что от него остался лишь сухой пенёк с пожелтевшими зарубками от топора.

— О чем ты думаешь?

— О дереве.

— Каком дереве?

— Ты не знаешь, — сказала она и рас- смеялась.

— Само собой.

Не открывая глаз, она почувствовала, что внутри нее что-то сжалось. Это случилось всякий раз, когда Алан начинал говорить таким тоном.

— Когда мне было девять лет, я любила один тополь.

Она задумалась, почему ей пришлось в голову представить себя моложе, чем это было на самом деле. Наверное, чтобы уменьшить ревность Алана. Раз ей было только девять, вряд ли он спросит: «Кого, кого ты любила?»

Наступила тишина, но она чувствовала, что ответ его не удовлетворил, что он о чем-то напряженно размышляет, и на смену ее безмятежной дреме пришло напряженное внимание. Парусина шезлонга облегла ее спину, с затылка никак не могла скатиться капля пота.

— Почему ты вышла за меня замуж?

— Я любила тебя.

— А сейчас?

— Я и сейчас тебя люблю.

— За что?

Это было прологом: первые реплики соответствовали трем звонкам в театре — они напоминали своеобразный, установленный по обоюдному согласию ритуал, который предшествовал сцене самоистязания Алана.

— Алан, — тоскливо произнесла она, — давай не будем.

— За что ты меня полюбила?

— Ты казался мне спокойным, надежным американцем. Я это уже сто раз говорила. Я считала тебя красивым.

— А теперь?

— Теперь я не считаю, что ты спокойный американец, но ты остаешься красивым.

— Безнадежно закомплексованный американец, не так ли? Не будем забывать про мою мамулю, про мои доллары.

— Да, черт тебя побери, да! Я тебя придумала. Ты это хочешь услышать?

— Я хочу, чтобы ты меня любила.

— Я люблю тебя.

— Не любишь.

«Когда же наконец вернутся остальные? — думала она. — Возвращались бы поскорее. В такую жару вздумали рыбу ловить. Как только они придут, пойдем ужинать, Алан слегка переберет виски, лихо погонит машину, а ночью заснет мертвым сном. Он крепко прижмется ко мне, почти раздавит и, может быть, часок-другой в своем забытии будет мне мил. А на следующее утро он расскажет мне все свои ночные кошмары: ведь у него такое богатое воображение».

Жозе приподнялась и взглянула на белый причал. Никого. Она снова опустилась в шезлонг.

— Их еще нет, — язвительно произнес Алан. — Жаль. Тебе скучно, не так ли?

Она повернулась к нему лицом. Он пристально смотрел на нее. Он и вправду походил на молодого героя вестерна. Светлые глаза, обветренная кожа, прямой взгляд. Простодушие, пусть даже напускное. Алан. Да, было время, она его любила. Но и теперь, когда как следует всматривалась в него, продолжала питать к нему слабость. Однако все чаще и чаще отводила от него глаза.

— Ну что, продолжим?

— Тебя это забавляет?

— Что ты почувствовала, когда я сделал тебе предложение?

— Я была рада.

— И все?

— Мне показалось, что я спасена. Ведь я... Мне было тогда нелегко — ты же знаешь.

— Почему нелегко? Кто был в этом виноват?

— Европа.

— Кто именно в Европе?

— Я уже рассказывала тебе.

— Повтори еще раз.

«Уйду, — вдруг подумала Жозе. — Я должна понять, что это неизбежно. Пусть делает что хочет. Пусть застрелится. Он уже не раз угрожал. И его горе-психиатр тоже говорил, что такое может случиться. Пусть свихнется, как и его чертов отец. Пусть их всех сведет в могилу этот идиотский алкоголизм. Да здравствует Франция и Бенжамен Констан!»¹

В то же время, как ни хотел этого Алан, она не могла представить его мертвым; мысли о его возможном самоубий-

---

¹ *Констан де Ребек Бенжамен Анри* (1767–1830) — французский автор психологических романов. (Здесь и далее примеч. перев.)

стве вызывали у нее отвращение: «Ему для этого нужен будет какой-нибудь предлог, а я не хочу им быть».

— Это похоже на шантаж, — сказала она.

— Ну да, конечно, я знаю, о чем ты думаешь.

— Я не могу уважать тебя, пока ты меня так шантажируешь, — произнесла она.

— А что прикажешь делать?

— Да ничего.

Плевал он на то, уважает она его или нет. Впрочем, это мало ее задевало: она себя ценила не столь высоко. И это в двадцать семь лет! Всего три года назад она жила в Париже, одна или с кем хотела, дышала полной грудью. А теперь вот чахнет в этом искусственном, будто из папье-маше, мирке, возле молодого неуравновешенного мужа, который сам не знает, чего хочет. Она нервно рассмеялась. Он приподнялся, прищурил глаза. Ему не нравился такой смех, хотя иногда он был способен проявлять тонкое чувство юмора.

— Не надо так смеяться.

Но она не останавливалась — продолжала тихо и уже как-то умиротворенно

посмеиваться. Она думала о своей парижской квартире, о ночных улицах, о безумствах юности. Алан встал:

— Пить не хочешь? Смотри, как бы тебя не хватил солнечный удар. Принести тебе апельсинового сока?

Он опустился возле нее на колени, положил голову на ее руку, посмотрел в глаза. То была другая его тактическая уловка: когда он видел, что ревность ее не трогает, он становился нежным. Она провела ладонью по его красивому лбу, обогнула пальцами овал твердых губ, продолговатые глаза и в который раз спросила себя, что же сводит на нет спокойную мужественность этого лица.

— Принеси мне лучше бокал бакарди, — сказала она.

Алан улыбнулся. Он любил выпить, и ему нравилось, когда она пила вместе с ним. Ее об этом предупреждали. Сама она была довольно равнодушна к алкоголю, однако порой ей хотелось набраться до бесчувствия.

— Значит, два бакарди, — сказал он.

Он поцеловал ей руку. На них умиленно посмотрела седовласая американка в цветастых шортах. Жозе не улыбнулась ей в ответ. Она смотрела на Алана,

удалявшегося легкой поступью избалованного жизнью человека, и, как это случилось всякий раз, когда он куда-то уходил, к ней подступила легкая грусть. «Но ведь я его больше не люблю», — прошептала она и поспешила закрыть рукой лицо, будто солнце могло уличить ее в неискренности.

Наконец-то возвратившиеся друзья застали их лежащими на песке: Жозе, положив голову на плечо Алана, с жаром обсуждала с ним какой-то роман. Возле них валялось несколько пустых фужеров, и Брэндон Киннел указал на них взглядом. Весьма неглупая женщина, Ева Киннел красотой не отличалась; и она, и ее муж были людьми дружелюбными. Жозе ей нравилась, Алана она, как и Брэндон, побаивалась. Киннелы жили в полном согласии, за понятным исключением тайного безответного чувства, которое Брэндон питал к Жозе.

— Ну и денек! — сказала Ева. — Провести в море целых три часа и поймать какую-то жалкую барракуду...

— Зачем бороздить океаны? — произнес Алан. — Ведь счастье — на песчаном берегу.

Он поцеловал волосы Жозе. Она подняла голову, увидела, что Брэндон смотрит на пустые фужеры, и мысленно послала его ко всем чертям. Алан был в ударе. Она приятно провела время на дивном пляже, и что с того, если в том ей помогли несколько бокалов бакарди?

Жозе прикоснулась к загорелой ноге мужа.

— Счастье — на песчаном берегу, — повторила она.

Брэндон отвернулся. «Кажется, я сделала ему больно, — подумала она. — Он, наверное, любит меня. Странно: я об этом совсем не думала». Она протянула ему руку.

— Помогите мне подняться, Брэндон, от этого солнца у меня кружится голова.

Она сделала ударение на «солнце». Он протянул ей руку. Многие задавались вопросом, почему Брэндон Киннел, похитивший на рассеянного морского волка, взял в жены Еву, которая напоминала какую-то букашку. Видимо, это произошло по двум причинам: она была умна, а он робок. Он помог Жозе подняться, та покачнулась и, чтобы не упасть, прильнула к нему.

— А как же я, Ева? — спросил Алан. — Вы хотите на всю ночь оставить меня одного на пляже? Вы же видите, что я пьян, как и Жозе. Мы оба наклюкались. Разве она не призналась, что нам было хорошо?

Он лежал на песке и смотрел на них, ухмыляясь. Жозе на мгновение отпустила руку Брэндона, потом решительно на нее оперлась.

— Если тебя от двух рюмок повело, то я тут ни при чем. Я трезва как стеклышко и хочу есть. Я пошла с Брэндоном ужинать.

Она повернулась к нему спиной, забыв о Еве. Впервые за последний год ей пришла в голову мысль о том, что, кроме Алана, на земле есть другие мужчины.

— Он бывает просто невыносим, — прошептала она так, что ее нельзя было не услышать. — Всегда все портит.

— Вам надо уйти от него, — сказал Брэндон.

— Он без меня совсем опустится, то есть я хочу сказать...

— Он уже опустился.

— Пожалуй.

— Но он очень мил, не так ли?

Она хотела возразить, но, поведя плечами, произнесла:

— Наверное, вы правы.

Они не торопясь направились к ресторану. Жозе продолжала опираться на руку Брэндона. Это прикосновение невыносимо, до судорог сковывало его движения, и он даже подумывал, не освободить ли ему свою руку.

— Мне не нравится, что вы пьете, — сказал он слишком громко и чересчур властно. Поняв это, он смутился. Жозе подняла голову:

— Матери Алана тоже не нравится, когда он пьет. Как, впрочем, и мне. Но вам-то что до этого?

Он высвободил руку с покорным облегчением. В кои веки ему представилась возможность наедине перекинуться с ней словом, а он умудрился ее оскорбить.

— Да, конечно, это меня не касается.

Она посмотрела на него. Он шел, слегка размахивая руками, у него было лицо честного, надежного человека. Когда-то она думала, что выходит замуж именно за такого мужчину.

— Вы правы, Брэндон. Простите меня. Но вы, американцы, все помешаны на здоровье. В Европе не так. Я, например, живу с Аланом, но я не могу сказать

себе: «Надо от него избавиться», будто речь идет не о муже, а об аппендиците.

— И все же вам придется это сделать, Жозе, и если я когда-нибудь понадобится...

— Я знаю, спасибо. Вы с Евой очень добры.

— Не только мы с Евой, но и я один.

Он покраснел как рак. Жозе ничего не ответила. А ведь в Париже она любила поиздеваться над мужчинами. «Я постарела», — подумала она. В ресторане почти не было свободных мест. Далеко позади едва виднелись Алан и Ева, которые медленно шли за ними.

И вот они снова у себя дома. В их жилище были три длинные комнаты, облицованные светлым бамбуком и украшенные африканскими масками, соломенными поделками и рыболовными гарпунами — короче, всем тем, что мать Алана считала экзотикой. Хотя Алан очень долго жил здесь в одиночестве, в доме не было его личных вещей. Книги и пластинки они привезли из Нью-Йорка. Никогда прежде Жозе не встречала людей, которых так мало интересовало прошлое. Он смотрел на все лишь ее глазами, причем так оче-

видно и откровенно, что порой ей хотелось рассмеяться. Нарочитость их отношений заходила так далеко и он так безнадежно терял свое лицо, что у нее голова шла кругом: ей казалось, что она смотрит плохую пьесу или фильм с неумными режиссерскими претензиями. Но режиссером этой пьесы, этого фильма был не кто иной, как ее муж, и она не могла не страдать вместе с ним, предвкушая неизбежный провал.

Он ходил взад-вперед по комнате, все окна были открыты, и их лица овеял теплый флоридский бриз, в котором смешались легкие запахи моря, бензина и не желающего спадать зноя. Она смотрела, как он вышагивает, и думала, что никогда прежде так остро не ощущала свою непричастность к окружающей обстановке и даже к чьей-то жизни. Никогда она не чувствовала себя такой уязвимой — будто вся она была обнаженным нервом.

— Брэндон в тебя влюблен, — наконец произнес он.

Она улыбнулась. Они подмечали все одновременно. Еще два дня назад она бы посмеялась над его словами и объяснила их манией ревнивца. Двумя днями поз-

же она посчитала бы его безнадежным слепцом. Но коль скоро они в одно и то же время пришли к этому выводу, она понимала, что не может все обратить в шутку, как поступила бы с любым другим мужчиной.

— Но какие у Брэндона могут быть шансы? — задумчиво произнесла она.

Алан остановился, облокотившись на подоконник.

— Никаких, — заключила она.

— Ну почему, — возразил он. — Красивый, солидный и надежный мужчина. Это, пожалуй, единственный в Ки-Ларго человек, который мог бы составить мне конкуренцию. Его жена умна и умеет себя вести. Он вполне способен отправить меня в нокаут за нанесенное тебе оскорбление. Это истинный джентльмен. Я так и слышу, как он говорит: «Простите, сэръ, но есть такие вещи, которые терпеть нельзя, а леди Жозе выше всяких подозрений...» — и так далее.

Он рассмеялся:

— Что ты молчишь? Считаешь, что такого быть не может?

— Напротив, я не вижу в этом ничего невозможного.

— Ты и переспать с ним могла бы?

— Могла бы. Но это мне вовсе не улыбается.

— Ничего, еще захочется.

Он отошел от окна, и в который раз она отметила его склонность к театральности. Он всегда принимал красивую позу, чтобы произнести реплику, потом снова начинал передвигаться по сцене, — казалось, каждое слово он старается подчеркнуть определенным жестом.

Жозе лежала на обитом парусиной диване, заложив руки за голову и прикрыв глаза. Ей хотелось спать, она спрашивала себя, как долго сможет выносить такую жизнь. Тем не менее в глубине души все происходящее ее забавляло. Ведь сегодня она впервые твердо сказала себе: «Пора со всем этим кончать».

— Как бы Брэндон по тебе ни вздыхал, ты не должна делать вид, что ничего особенного не происходит, — продолжал Алан. — Нечего сказать, элегантно ты его подхватила на пляже, оставив со мной бедную Еву. Ты видела, как понуро она смотрела вам вслед.

— Я об этом не подумала. Ты полагаешь...

Она хотела сказать: «Ты полагаешь, это ее задело?» — но не договорила.

И так было ясно, что он ответит «да». Он не упускал случая вызвать у нее угрызения совести. Она не сдержалась:

— Я не причинила ей боли. Ева мне доверяет, как и Брэндон. Они не догадываются, что я, как рабыня, должна проводить время, лежа на спине в покорном ожидании мужчины. Они-то нормальные люди.

— Ты хочешь сказать, что я таковым не являюсь?

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю, и ты гордишься собой, не так ли? Не устаешь лелеять свои причуды. Для тебя было бы трагедией спуститься на землю и вести себя, как подобает мужу...

«Боже мой, — подумала она, — я читаю мораль точь-в-точь как авторы нравоучительных газетных статей. И это я, с моим презрением к здравому смыслу, поучаю его, словно отец семейства! Я становлюсь настоящей занудой. А он и рад».

Он и в самом деле подошел к ней, улыбаясь.

— Помнишь, Жозе, однажды ты мне сказала: «Людей надо принимать такими, какие они есть, я никогда никого не хотела изменить, никто не имеет права судить других». Разве не помнишь?

Он улегся у ее ног и говорил тихо, так тихо, что непонятно было, читает ли он молитву, от которой зависит его счастье, или хочет смутить ее. У нее перехватило дыхание. Да, именно эти слова она произнесла как-то зимой в Нью-Йорке. Они вышли на улицу после долгой беседы с матерью Алана. Жозе переполняла жалость, нежность и добродетель. Они гуляли по Сентрал-парку, и Алан казался таким потерянным, таким доверчивым...

— Да, — сказала она. — Я это говорила. Я так думала. И продолжаю так думать. Алан, — произнесла она чуть тише, — ты меня не щадишь.

— Ты хочешь сказать, что я жесток?

— Да.

Она закрыла глаза. Он добился своего — заставил ее признаться, что причинил ей боль; к этому он и стремился — задеть ее за живое. Любым способом уколоть. Он поднял руки, опустил, лег рядом, прижался головой к ее плечу. С мольбой в голосе он шептал ее имя, ласкал ее; ему очень хотелось, чтобы она заплакала. Но она сдержала слезы. Тогда он овладел полуодетой Жозе, но взаимное удовольствие вызвало у него нечто похожее на обиду. Чуть позже он раздел ее и, уже спящую, перенес в спальню. Заснул он,

судорожно сжав ее руку в своей. Когда она проснулась на следующее утро, Алан лежал поперек кровати. Он так и не успел раздеться.

«Как странно он спит... Раскрытая ладонь застыла на простыне, шея судорожно изогнута, колени поджаты к груди. Как же называется эта поза? Ах да, поза зародыша в материнской утробе. Неужели Алан жалеет, что расстался со своей невыносимой матерью? Ну и ну! Значит, старик Фрейд был прав? — Она засмеялась и потянулась к графину с водой. — Ненавижу бакарди. Ненавижу эту безвкусную, стерилизованную воду. Ненавижу это закрытое окно и климатизированный воздух. Ненавижу бамбук и двухдолларовые африканские побрякушки. Ненавижу путешествия и тропическую природу. Может, и этого незнакомца, что спит поперек кровати, я тоже ненавижу?»

Он красив. У него безукоризненная фигура, тело худощавого юноши. Его кожа нежна, к ней приятно прикасаться губами. Нет, я не испытываю ненависти к этому молодому человеку. Стоит мне пошевелить головой, незнакомец начинает постанывать, он пробуждается от одного моего поцелуя. Он стонет сейчас не

оттого, что ему тяжело оторваться от сна, а потому, что ему приятно. Ноги его вытянулись, он покинул свою мать, возвратился к любовнице. „Ты мать моих воспоминаний, любовница любви...“ Чьи это слова? Верлена? Бодлера?.. Сейчас мне не вспомнить. Он обхватил ладонями мой затылок, заставил перевернуться на спину и притянул к себе. Он произносит мое имя — меня и вправду зовут Жозе, а его — Алан. Ведь это обязательно что-то должно означать. Алан. Нет, ничто не может возвратиться на круги своя. Нет, я не смогу произносить другое имя».

2

— Ты забыл шляпу!

Он махнул рукой в знак того, что шляпа ему не нужна. Машина уже тарахтела, впрочем, нет, скорее урчала. Это был старенький «шевроле» гранатового цвета. Алан был абсолютно равнодушен к спортивным автомобилям.

— Сегодня будет страшная жара, — настаивала Жозе.

— Пустяки. Садись. Брэндон даст мне свою шляпу. У него голова крепкая.

Теперь он только о Брэндоне и говорил: они общались лишь с четой Киннел.

Это стало его новой причудой: всем своим видом он показывал, что бессилен вмешаться в чужую великую любовь, называл Еву «моя бедная подруга по несчастью» и натянуто улыбался, когда Брэндон обращался к Жозе. Несмотря на совместные усилия Жозе и Киннелов, которые стремились все обратить в шутку, положение становилось невыносимым. Она все испробовала: и гнев, и равнодушие, и мольбу. Однажды она попыталась остаться дома, но Алан почти целый день просидел напротив нее, не переставая пить и расхваливать Брэндона.

В этот день они собирались вместе рыбачить. Жозе не выспалась и чуть ли не со злорадством предвкушала тот миг, когда кто-нибудь — Брэндон, Ева или она сама — не вынесет этой пытки и взорвется. Если повезет, это может произойти сегодня.

Как всегда в последние дни, понурые Киннелы ждали их у причала. Ева держала корзину с бутербродами, она махнула им свободной рукой, попытавшись сделать это весело и непринужденно. Брэндон слабо улыбнулся. Рядом покачивался большой катер, на котором их ждал матрос.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Флорида	9
Передышка	57
Париж	85

Саган Ф.

С 13 Волшебные облака : роман / Франсуаза Саган ; пер. с фр. Н. Комина. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 192 с. — (Саган. Коллекция).

ISBN 978-5-389-17330-9

Франсуазу Саган называли Мадемуазель Шанель от литературы. Начиная с самого первого романа «Здравствуй, грусть!» (1954), надевавшего немало шума, ее литературная карьера складывалась блестяще, она с удивительной легкостью создавала книгу за книгой, их переводили на различные языки, и они разлетались по свету миллионами экземпляров.

Роман Франсуазы Саган «Волшебные облака» (1961) — изящная вариация на известное изречение Блеза Паскаля: «У сердца есть причины, которые разуму не понять». Прелестная французенка Жозе выходит по любви замуж за Алана, богатого молодого американца. Оказалось, что это означает утрату свободы — теперь она должна отчитываться перед болезненно ревнивым мужем во всем: куда ходила, кого видела, о чем мечтала. Попытки вырваться из золотой клетки оказываются безуспешными: и в напоенной солнцем Флориде, и в Париже Алан неотступно следует за ней. Оказывается, что волшебные химеры способны омрачить самые простые жизненные радости.

Франсуаза Саган верна себе: ее проза — прозрачная, изящная, лишённая позы — доставляет радость все новым поколениям читателей

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ФРАНСУАЗА САГАН
ВОЛШЕБНЫЕ ОБЛАКА

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Мария Левина, Маргарита Ахметова

Подписано в печать 31.10.2019.
Формат издания 84 × 90 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 8,4. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60.
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого
сотрудничества размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-CFS-25850-01-R